П. ФАТЕЕВ

Мщение

Р29679

ДЕТГИЗ

П. ФАТЕЕВ

МЩЕНИЕ

Рисунки
А. БРЕЯ

НАРКОМПРОС РСФСР
Государственное Издательство Детской Литературы
Москва 1942 Ленинград

Рассказ посвящается двенадцатилетнему партизану Виктору В., который мстит гитлеровским мерзавцам за смерть своей матери, двух сестер и брата, за сожжение родной деревни, за свои муки и страдания. События, положенные в основу рассказа, происходили в августе 1941 года.

Тяжело пасти большое стадо свиней даже тогда, когда пастух стар и опытен. Но если пастух еще только тринадцатилетний мальчик, как Тиша, и августовский день долог и горяч, то это куда тяжелей. Тиша измучился. Прожорливое стадо разбегалось с выгоревшего луга в разные стороны: свиньи норовили забраться то в хлеб, то в картошку, то сбежать домой.

Только успел Тиша вернуть рябого кабана, отправившегося было к селу, как белая большая свинья полезла в рожь. Бежит Тиша за ней изо всех сил, задыхается. А свинья роет уже с жадностью хлебные корни и, чавкая, пожирает их. Размахнулся Тиша изо всех сил и бросил палкой в свинью. Та взвизгнула, замотала головой и отскочила. А подоспевший Тиша опоясал ее длинным кнутом. И тут только, оставив ржаное поле, свинья побежала на середину луга.

А на лугу в это время разодрались кабаны. Стадо визжало, хрипело, хрюкало. Щелкая кнутом, рассыпая удары палкой направо и налево, пастух восстанавливал порядок, а рябой кабан воспользовался этим, опять побежал домой. Поджарый, длинноногий кабан бежал так быстро, что ни кнутом, ни палкой его уж нельзя было достать. Только бросившись прямо через рыхлые грядки картофельного поля, на котором кое-где уже поднимались из темнозеленой ботвы белые и розовые цветы, Тише удалось перерезать путь кабану. Мальчик вспотел, рубаха прилипла к его спине, сердце билось часто от быстрого бега.

Но Тиша все же доволен своей работой. У него не было ни одной потравы, и за лето свиньи разжирели и подросли. Колхозницы и правление колхоза хвалили Тишу. И зарабатывал он сорок трудодней в месяц.

Только с наступлением полуденного зноя Тиша почувствовал облегчение. Все стадо улеглось и затихло. Свиньи зарылись в неглубокие логовища вокруг болота, раскинувшегося посреди луга. В земле было сыро и прохладно, и свиньи успокоились.

Тиша сел на холмик и вынул из заплечной сумки кусок сала, свежий ржаной хлеб, бутылку молока. Поев и выпив молоко, Тиша улегся на траву и стал смотреть вверх.

Легкие облака, белые и пухлые, медленно, как пасущееся стадо, ползли по высокому синему небу. Легкий ветерок гнал их все дальше и дальше, на самый край синего горизонта, на восток. Вокруг,

насколько хватал глаз, стояли тучные хлеба: зеленели колхозные овсы, золотилась высокая рожь. Прямо перед глазами, за лугом, кончавшимся глубокой трясиной, в которой не раз бесследно исчезали глупые телки и свиньи, начинались низкие кусты. Налево стояло родное село. Меж домами синела густая кудрявая листва садов. Далеко где-то работала сенокосилка, как шмель гудел трактор. Тиша задумался. Вспомнились Тише недавние экзамены в школе. Потом он вспомнил отца. Отец еще совсем недавно был дома, а не на фронте, и работал на том самом тракторе, что сейчас гудит вдалеке, как шмель. Сердце у Тиши защемило вдруг от страха за отца. Жив ли он? Вспомнил Тиша раненых красноармейцев, которых везли по дороге мимо соседней деревни. Неужели в самом деле враги так близко, так близко подошла к дому Тиши война? Он снова огляделся вокруг. Нет, этого не могло быть. Солнце попрежнему сияло в небе, тихо шелестела трава на лугу, и серенькая трясогузка, усевшаяся поблизости на камне, преспокойно потряхивала своим длинным хвостиком. Так тихо, спокойно было кругом! И Тиша незаметно задремал.

Проснулся, когда его окликнул хриплый голос. По пастушечьей привычке Тиша схватил кнут и вскочил на ноги. Перед ним стоял кавалерист. Такой шинели, такого толстого, обрюзгшего и злого лица Тиша еще никогда не видал. Человек что-то сказал непонятное, точно пролаял. У Тиши как будто обор-

валось что-то в груди. Немец! Сердце защемило ноги и руки стали тяжелыми, во рту пересохло. Несомненно, перед ним был немец. Как он попал сюда?

Немец не дождался ответа. Да он, наверное, и не ждал его. Немец пришпорил лошадь; она сделала скачок вперед. Пастух уклонился от лошадиной головы. Но немец размахнулся и ударил Тишу нагайкой. Удар пришелся по лицу и по шее. Тиша почувствовал острую боль, но сдержался, не вскрикнул, не застонал. Удар вывел мальчика из оцепенения, тяжесть в теле исчезла. Им овладело желание сейчас же, немедленно ответить немцу, причинить ему такую же, — нет, более сильную, более острую боль. Тиша размахнулся кнутом и тоже хлестнул немца по лицу. Хорошо умел хлестать своим кнутом пастушок! Одним ударом он, как ножом, рассекал свиную кожу, и самые злые кабаны боялись его кнута. Метки были его удары, а метил Тиша немцу по глазам. Завизжал тот громче всякой свиньи, выхватил саблю, замахнулся, рубанул... Но он уже ничего не видел. Сабля просвистела по воздуху.

Крутится немец на лошади, кричит, стреляет из пистолета во все стороны, но попадает только в свиней. И тут только мальчик понял угрожающую ему опасность. Немец, наверное, не один. Ведь в разведку немецкие солдаты по одному не ездят. Услышат остальные немцы выстрелы, прискачут и загубят Тишину жизнь. Как заставить немца замолчать?

Изловчился мальчик, размахнулся кнутом еще раз, и полкнута обвилось вокруг шеи немца, мертвой петлей сдавил кнут шею. Лошадь рванула вперед, протащила немного Тишу по земле, но он не выпустил кнута. И немец, не успев даже схватиться руками за петлю, полузадушенный грохнулся на землю. А Тиша все продолжал тянуть изо всей силы и затягивать петлю.

Немец уже не кричал, не ругался, а только хрипел. Вот и хрипенье его прекратилось. Лицо его почернело, все тело задергалось и вдруг затихло. И тут Тише стало страшно, захотелось убежать отсюда скорее домой, разыскать мать и ребят, рассказать им обо всем, что случилось.

Но по шее Тиши текла кровь, рубец на затылке распух. Присел Тиша на землю, сорвал подорожник и приложил к ране. Посмотреть в сторону мертвого немца Тиша боялся, но все же нечаянно взглянул. Большой зеленый кузнечик прыгнул на мертвые окровавленные глаза гитлеровца, потом перебрался на лоб и начал чистить лапки. Лошадь его смирно стояла неподалеку и щипала высокую траву. А свиней не было. Все стадо от выстрелов разбежалось, на лугу остались только убитые свиньи.

Тиша с большим трудом поднялся с земли. От боли, страха и борьбы силы покинули его. Но все же он подошел к лошади немца, подобрал поводья, забрался в седло. Верхом он быстро собрал все стадо и погнал его к селу. Он отъехал совсем недалеко, как

вдруг за спиной своей услышал конский топот и крик:

— Хальт! Хальт!

Тиша оглянулся. Два конных разведчика скакали к нему во весь опор. Теперь не уйти, пропал! В первую секунду Тиша решил было скакать к селу. Но в селе остались только женщины с детьми да старики, и ружья ни у кого нет. Погибнут все от мала до велика.

Тиша с силой ударил коня, свернул в сторону от деревни и быстро поскакал по проселочной дороге. Немцы сразу свернули на посевы картошки и бросились ему наперерез. А Тише только этого и нужно было. Он скакал по твердому грунту, немцы же — по разрыхленным грядкам. Срезать угол немцам не удалось, расстояние между ними и пастушком значительно увеличилось. А Тиша доскакал до первого поперечного столба и опять свернул налево. Конь мчал его прямо к болоту, к тому месту, где серебром блестели серые кусты тальника. У самого болота Тиша на скаку спрыгнул с коня и бросился в болото, в трясину. Он знал: есть там тропинка узкая, извилистая, известная только немногим. Изо всех сил побежал Тиша по этой тропинке.

Немцы подскочили к болоту. Кони их встали на дыбы у самого края трясины. Тише казалось, что он уже спасся от гибели. Но немцы так разъярились, что соскочили с лошадей и по кочкам бросились сами в погоню, крича и стреляя. Долгое время Тиша слы-

шал их злые голоса и выстрелы, боясь оглянуться. Но когда оглянулся, увидел немцев уже метрах в двухстах от себя. Они не двигались с места, увязнув по пояс в трясине. Бездонная прорва жадно тянула их вниз. О, Тиша хорошо знал ее страшную силу! Ей было все равно, кто попал на ее ровную и маняще красивую поверхность: дохлая ли крыса, глупая ли скотина, сбившийся ли с пути человек. И точно к живому существу, обращаясь к трясине, мальчик с мольбою шептал: «Губи их, засасывай, милая!» Но немцы, наверное, не знали, что такое трясина. На их лицах еще не было страха смерти. Попрежнему бешеная злоба душила их. Перед ними на расстоянии двухсот-трехсот метров бежал русский мальчик. Он бежал изо всех сил, спешил скорее скрыться от своих преследователей. Встречный ветер вздымал на его спине выгоревшую на солнце рубашку. Гитлеровцы не видели, какой отвагой, какой решимостью светились его глаза. Они видели только, что он близок к сизым кустам тальника и что сейчас он скроется с их глаз. И поняли немцы: живым они его не возьмут, не расспросят ни о чем, не потешат себя его муками, не удастся им поиздеваться над ним так, как они привыкли делать это над каждым захваченным русским. И, погружаясь все глубже в болото, немцы стреляли из своих автоматов, целясь прямо в мальчика. Зашаталось небо в Тишиных глазах, пошло все каруселью, побежала из-под его ног земля. Со стоном повалился он на влажный густой мох в тени кустов.

II

Длинный день угасал медленно. Солнце нехотя погружалось в темную тучу, расползавшуюся мрачным пятном на западе, и лучи его то меркли, то вспыхивали ярко и заливали каким-то особенным розоватым светом и высокий сосновый бор, и сады, и цветы на лугах, и поля. Туча поползла на восток, закрывая светлое голубое небо. Удлинялись тени. Землю постепенно окутывал сумрак. Наступала темная короткая ночь, после которой день кажется еще более светлым, более ярким, чем предыдущий, а жизнь — еще радостнее и счастливее.

Мать Тиши, Марья Петровна, уже подоила коров, убралась во дворе и теперь хлопотала в избе, готовила ужин. Круглая лампочка на длинном шнуре белым светом заливала всю горницу.

Марья Петровна давно уже все приготовила, а Тиши все не было. Пора бы ему притти. Руки ее дрожали. Она остановилась около полки, висевшей на глухой стене, ухватилась за пеструю ситцевую занавеску, вспоминая: зачем же подошла она к ней? Наконец вспомнила, протянула руку к стене и повернула выключатель. Выключатель щелкнул, свет погас. Марья Петровна открыла окно, заклеенное изнутри синей бумагой.

На улице было темно и тихо. Изредка только слышался лай собаки, хлопала где-то дверь. Из палисадника тянуло ароматом цветов и доносился треск

полевых сверчков. Вдали, на болоте за лугом, квакали лягушки. В комнату потянуло сыростью и прохладой.

Напрасно напрягала она слух и зрение. Она не слышала быстрых, торопливых шагов сына. Во мраке не вырисовывалась его стройная фигурка. Сын и раньше иногда возвращался позже обычного. Это никогда не волновало мать, но сегодня доярка Софья Кривошеева, ходившая в обеденный перерыв за картошкой, слышала со стороны луга выстрелы. Мать все время думала об этом и ждала какой-то беды.

На скамейке у дома сидели четверо детей. Они заметили в окне мать, и младший из них, двухлетний Коля, сказал громко:

— Тишки нет, Тишки нет.

Чтобы смягчить слова малыша, старшая девочка Нюра заметила:

— Свиньи Красновых не вернулись. Тишка собирает. Должно, скоро придет.

В темноте послышались шаги. Но это не были шаги Тиши. Шла женщина. Поровнявшись с домом, она остановилась и окликнула хозяйку:

— Ты слыхала, Петровна?

— Что? — тревожно спросила Петровна.

— Немцы фронт прорвали. Как бы к нам не пришли, окаянные! Бают, надо в лес уходить.

Сказав эти страшные слова, женщина, не дождавшись ответа, исчезла в темноте.

Марья Петровна хотела закричать, что этого не

может быть, но голос у нее вдруг пропал. С трудом приказала она детям итти ужинать и ложиться спать.

Дети вошли в дом и молча уселись за стол. Мать закрыла окно и опять зажгла свет.

Вдруг Нюра встрепенулась, перестала есть, прислушалась...

Раздался стук в дверь, и вошел председатель колхоза Иван Сергеевич. Он поздоровался с матерью и сел на свободный табурет.

— Что же вы большака не дождались, а? — обратился он сразу ко всем детям. — Парень свиней собирает, а вы сразу за ложки.

Ребята оживились. Слова Ивана Сергеевича их успокоили. Быстро поев, они оживленной гурьбой отправились спать в сени, где лежало свежее сено и было не так душно, как в горнице.

— Ты не тревожься, Петровна, — тихо сказал Иван Сергеевич матери, когда дети вышли. — Сиди с ребятами дома. Сына твоего разыскивают старики. Как узнаю что, сообщу тебе. — Он помедлил и, помолчав секунду, добавил: — Немцы прорвали фронт... Собирайся, на рассвете уйдем в лес. Будем партизанить...

Марья Петровна молчала.

Иван Сергеевич осторожно открыл дверь и вышел из комнаты.

Тут только мать поняла окончательно, что сын задержался не случайно. Сердце ее с болью замира-

ло. Где искать Тишу? Куда бежать? На кого оставить остальных ребят, таких же дорогих ее сердцу, как и старший? Она открыла двери в сени и прислушалась. Пахло сухой цветочной пылью, клевером. Было тихо, не было слышно ни шороха сухой травы, ни детского шопота. Дети уже спали. Дышали они ровно и спокойно, тесно прижавшись друг к другу.

Мать поправила одеяла на ребятах и снова вошла в горницу. Грустным, внимательным взглядом окинула она комнату. Теперь, когда предстояло покинуть свой дом, он казался и лучше и милее. С каждой вещью были связаны воспоминания о радостях жизни.

И все это нужно бросить, оставить... А может быть, остаться, не уходить в лес? Может быть, немцы не тронут? Нет! Враг жесток и беспощаден. В газетах много писали о зверствах гитлеровцев, убивающих женщин, стариков и детей. Нужно собираться.

Вот уже и узлы готовы. Марья Петровна осмотрела комнату, и сердце ее сжалось... Такого беспорядка здесь никогда не было. Взгляд остановился на портрете мужа в самодельной рамке, висевшем на стене. Трудный путь прошла она с мужем, деля все радости и горе. Вместе провели голодное нищенское детство, вместе батрачили в юности. Батраками и поженились. Только в колхозе жизнь пошла по-иному. Выстроили этот дом, обулись, оделись, дети учатся. Тиша хотел быть агрономом. А теперь муж

на фронте, враги угрожают и жизни, и дому, и детям.

По щекам Марьи побежали крупные слезы. Она сняла портрет мужа со стены и тоже положила в узел.

Теперь нужно было сложить в корзину хоть какую-нибудь еду. Но руки не поднимались. Через силу достала с полки сало, лук, два каравая хлеба, налила в четверть молока. А потом опять остановилась посреди избы.

Что делать с зерном, мукой, пшеном? В амбаре насыпаны полные закрома. Не оставлять же врагам? Если нельзя увезти вместе с колхозным добром, надо сжигать. Тяжело, но придется!

— Да, сжечь! — вслух сказала Марья. — Пусть дохнут враги с голоду, мокнут под дождем. Пусть погибает все — и дом, и хлеб, и скот, — но в мою хату враги не войдут, за моим столом не пообедают.

Все уже было уложено. А сына все нет... Марья погасила свет и опять открыла окно на улицу.

Ночь была тихой и теплой. Весь небосвод был усыпан звездами.

Мать с тревогой прислушивалась к ночным звукам. Как и вечером, где-то далеко глухо стонала выпь и наперегонки кричали лягушки. От полей доносилась перекличка коростелей и веяло запахом созревающих яровых хлебов. Тихо шуршали в палисаднике листья деревьев,

С детства знакомые, привычные звуки как-то успокоили, заглушили нараставшую в душе тревогу.

Задумалась Марья Петровна, облокотившись на подоконник, и не заметила, как задремала. Проснулась она внезапно от звука, незнакомого, чуждого и враждебного этой тихой августовской ночи.

В его прерывистом, тянущем за душу тоне погасли внезапно все мирные звуки ночной жизни растений и живых существ — шорох листьев в палисаднике, крики лягушек на болоте, трели полевых сверчков. А издалека слышны были глухие выстрелы пушек.

— Немецкие самолеты!

Марья вскочила. Раздался взрыв, вспыхнуло пламя над соседним домом. По улице уже бежал народ. Кричали дети. Марья бросилась в сени; они уже горели. Растолкала Нюру, Сережу и Машу и схватила на руки сонного Колю. Подталкивая старших, она вбежала в горницу и распахнула окно. Нюра и Маша сами вылезли на улицу, а Сережу она осторожно за руки спустила на землю. Потом с Колей на руках полезла в окно и сама. И только успела она встать на землю, как что-то завыло над головой и тяжело обрушилось на землю. Но взрыва она уже не слыхала. Ее ударило и бросило в темную пропасть. Падая, она думала о том, как бы не уронить Колю, как бы не задавить его. «А где же Тиша?» подумала она в последнее мгновение,

* * *

Тиша очнулся не то от холода и сырости, не то от выстрелов и взрывов, доносившихся со стороны села. Трава, кусты... Где это он? В теле чувствовалась необычайная слабость, голова кружилась. Но все же, хоть медленно, в памяти стали возникать все события — погоня немцев, лошади, выстрелы. Тиша повернулся на спину. Небо уже светлело. Еще час, и совсем рассветет. Надо было скорее выбраться из болота. Тиша пошевелил ногами и руками. Нет, все было цело. Пуля только чуть задела ногу, и ранка уже подсохла. Рана на шее тоже меньше ныла. Но слабость была так сильна, что Тиша не мог подняться.

Лежа на спине, он стал правой рукой сбивать росу со мха. Влажную руку он приложил ко лбу, провел по щекам. Собрал в горсть несколько капель росы и поднес их к сухим, запекшимся губам. Роса освежила его и прибавила сил.

Отдохнув немного, Тиша медленно пополз по тропинке к краю болота. Взошло солнце. Ни на лугу, ни на болоте он не увидел немцев, гнавшихся за ним по трясине. Только лошади их паслись у края ржаного поля. Лошадь убитого Тишей немецкого кавалериста паслась рядом, у края болота. Там же валялись Тишина бутылка с молоком и заплечная сумка. Тиша поднял ее, достал кусок хлеба и сала, немного поел. Еда подкрепила его. Он поймал коня за уздечку, с трудом забрался в седло и в ужасе остановился. С лошади он увидел родное село.

Там, где вчера в зеленых садах стояли белые домики, сегодня торчали остатки обгорелых стен, полуразрушенные печи. Густой дым окутывал пожарище.

Тиша оврагом поскакал к селу. У околицы слез с коня и чащей вишен и терновника, стараясь никому не попадаться на глаза, стал пробираться к родному дому.

Село горело. Всюду стелился дым, пахло паленой шерстью и жженым мясом. Вот и родная улица. Но где же она? Где его дом?

Вот кусты сирени, которые он посадил вместе с отцом, когда ему было восемь лет. Но вместо дома лежат груды развороченного кирпича, засыпанные золой и углями. Деревья, вчера еще зеленой семьей окружавшие дом, пожелтели, посохли.

Где мама, где братья, сестры? Тиша забыл об усталости. Он руками разбрасывал еще горячий уголь, золу, обгоревшие бревна и доски. Ему казалось, что он недостаточно быстро работает, что они могут за это время задохнуться... Но разве под горячей золой, среди раскаленных кирпичей он найдет кого-нибудь живым? Вдруг мальчик задрожал, и ноги его подкосились. До него донесся слабый, еле слышный стон...

Тиша прислушался. Стон шел со стороны палисадника. Тиша бросился туда. Он лихорадочно осматривал каждый куст, каждую яму, каждый след. И в палисаднике Тиша увидел сестру.

Нюра с разбитой головой сидела у изгороди. Волосы и платье на ней обгорели. Лицо почернело.

обуглилось. Но глаза... глаза каким-то чудом уцелели. Они были широко открыты и с удивлением смотрели на мир, как бы спрашивая: «За что меня замучили?»

Из мертвых глаз вытекали редкие капли. С трудом пробивавшееся сквозь низкие клубы дыма восходящее солнце окрашивало их в багровый цвет. Тише показалось, что от страданий своих и мук сестра и мертвая плачет, плачет кровавыми слезами.

Рядом было распростерто тело братишки. Он не узнал его: оно было без головы, разорванное на части.

За почерневшими от огня пожара кустами георгин он увидел мать. Уткнувшись лицом в астры, она застыла в какой-то странной позе. Стон теперь раздавался совсем рядом. Тиша бросился к матери. В его сознании вспыхнула, как солнечный луч, надежда. Сердце взволнованно забилось... Мать жива... Он обнял ее и стал целовать в шею, в плечо. Заливаясь слезами, он прерывисто повторял одно слово: «Мама!..»

Но мать была холодна и неподвижна.

Стонала не мать, стонал маленький Коля, которого мать, падая, закрыла своим телом от осколков бомб, от огня и от смерти.

Судорожно рыдая, Тиша осторожно повернул мать на бок и освободил братишку. Коля был красен от слез и напряжения. Искаженное страданиями лицо его подергивалось. Он что-то хотел сказать, но только всхлипнул, в глазах его отразился такой

страх, испуг, что Тиша и без слов понял все и, подхватив Колю на руки, прижал к себе.

Где же Маша?.. Тиша долго бродил вокруг пепелища.

Вдруг он услышал шаги. «Немцы!» подумал он и бросился в кусты. Пробегая садом, он увидел и Машу. Всегда веселая, резвая, Маша неподвижно застыла под ветвями старой яблони. И земля вокруг нее была вся в крови.

Шатаясь, Тиша побрел с Колей на руках в кусты. Плакать Тиша уже не мог — так велико было его горе. Лицо его окаменело. Ветви вишен и терна цеплялись за его одежду, царапали сквозь рубаху кожу. Он ничего не замечал. Шел и сам не знал куда. Перешел из своего вишняка в вишняк соседей и побрел дальше.

Только наткнувшись на чей-то забор, Тиша остановился и опомнился. Он узнал этот забор: это был забор школьного сада.

Итти было некуда и незачем. Тиша сел на землю в кусты и сидел не шевелясь, застыв от горя. Коля дремал. Вдруг в кустах раздался шорох, и из-за зеленых ветвей выглянула девочка. Она внимательно всмотрелась в Тишу, как бы с трудом узнавая его. Это было действительно трудно: одежда на нем была испачкана и разодрана, из царапин выступила кровь, на черном от пепла лице слезы оставили светлые полосы. Серые глаза смотрели куда-то вдаль, сквозь кусты, как будто бы перед ними все еще была

оставленная позади картина разрушения и страшной смерти. Девочка узнала наконец его и подошла ближе. Под ее ногами хрустнула сухая ветка. Тиша вздрогнул и поднялся на ноги.

Перед ним стояла внучка школьного сторожа Вера, с которой он учился в одном классе.

— Ты чего здесь? — тихо спросила она его.

Тиша молчал.

Она подошла вплотную к Тише и торопливо зашептала:

— Скорее уходи отсюда! Немцы уже здесь, в школе, нас прогнали. Наверху у них солдаты, а в нижнем этаже — офицеры. Танки поставили во дворе... А машин сколько! Всё с ящиками. А бочки железные с бензином все в подвал скатили. Я спряталась в кустах, все видела. Скорее давай уходить отсюда, а то немцы могут застать, все время вокруг ходят. Скорее, что же ты!

Но Тиша снова сел на землю, и лицо его ничего не выражало. Он как будто не слушал, ничего не замечал. Перепуганный Коля попрежнему вздрагивал и, глухо всхлипывая, стонал во сне.

Вера попробовала взять Колю к себе на руки, но тот испуганно вскрикнул и еще плотнее прижался к брату. Колин крик не на шутку встревожил девочку. Она уцепилась обеими руками за локоть Тиши, силой подняла его на ноги и потащила в кусты. Тиша покорно пошел за нею, заботливо предохраняя Колю от колючих и гибких ветвей.

Минут через пятнадцать они вышли к оврагу. Это было когда-то русло небольшой речушки. Речушка давно высохла, русло заросло мелким кустарником и превратилось в небольшой овраг.

В овраге была пещера, и ребята укрылись в ней. Если часовой и услышал крик Коли, он вряд ли нашел бы их здесь. Дети притаились, затихли. Но к пещере никто не приближался. Тогда Вера оставила братьев одних, сказав, что она скоро вернется, и ушла.

Вскоре она возвратилась с глиняным кувшином, до краев наполненным молоком.

— Пей,— предложила она Тише, протягивая ему кувшин, — вечорошнее. Я достала из погреба у Красновых. Там никого нет.

Только сейчас Тиша почувствовал, как он голоден и как ему хочется пить.

Но дети дали сначала напиться Коле. Тиша повернул братишку лицом к Вере, а Вера поднесла кувшин к его губам. Нехотя мальчик сделал несколько глотков и опять уткнулся лицом в грудь брата.

Тиша стал пить сам. Молоко было вкусное, холодное, и он выпил все до дна.

Вера подержала пустой кувшин в руках, раздумывая, что с ним делать, и бросила в темный угол пещеры. Кувшин упал где-то далеко, и удар его о землю еле донесся до них. Это удивило детей.

— Что ж он так далеко укатился? — спросил Тиша.

Вдруг лицо его озарила какая-то мысль. Глаза заблестели.

Он осторожно передал братишку девочке, бросился в глубь пещеры и остановился в изумлении: пещера переходила в длинную галлерею. Мальчик сделал десяток шагов по галлерее и остановился. Дневной свет сюда не попадал, и дальше можно было итти только ощупью. Куда вела эта галлерея? Тиша вернулся назад.

— Вера, — спросил он, — ты не знаешь, запасного выхода из школьного бомбоубежища не делали?

— Делали, — поспешно ответила Вера. — Месяца два назад работали здесь красноармейцы. Я спрашивала, что они делают, а часовой прогонял меня.

Тиша задумался. «Раз охраны у запасного выхода нет, — думал он, — значит немцы его не обнаружили, а раз не обнаружили, они не поставили часового и внутри подвала». Смелый план созрел в его голове. Пробраться в подвал школы, все разведать и рассказать своим! Он хотел было поделиться своими мыслями с Верой, но сдержался.

— Беги с Колей скорее отсюда, — сказал он Вере, — кустами по дну оврага пробирайся к реке и жди меня в кустах тальника. Я скоро приду.

— Ты хочешь пробраться в подвал? — догадалась девочка.

— Скорее уходи и жди меня, — ответил Тиша, — приду, все расскажу.

Он помог Вере вылезть из пещеры, а сам опять направился в галлерею.

Итти ему приходилось ощупью, в темноте. Несколько раз он спотыкался и падал, ушибая колени, голову. Путь показался бесконечно долгим. Он шел тихо, ногой пробуя почву и держась рукой за стену. Наконец нащупал дверь, преграждавшую ему дорогу. Это была дверь из подвала.

Тиша осторожно нажал на нее плечом. Дверь не открывалась. Нажал сильнее. Дверь оставалась неподвижной. Неужели дверь была заперта на ключ? От напряжения пот катился по лицу Тиши.

Он отдохнул немного и стал искать ручку двери.

Ручка быстро нашлась. Тиша уцепился за нее и потянул на себя. Да, дверь не открывалась.

У Тиши опустились руки. Весь его план рухнул. Горькая обида наполнила сердце. Он пошел назад, шатаясь из стороны в сторону и задевая плечами шершавые стены подземелья.

Но, пройдя шагов двадцать, он остановился и, забыв всякую предосторожность, бегом пустился обратно к дверям. Шаги его глухо разносились по подземелью, их шум остановил его бег. Он пошел тише, осторожней. Снова ощупью нашел ручку двери, нажал ее вниз. Ручка все-таки не подавалась. Ему хотелось сесть у дверей и заплакать. Но он обеими руками уцепился за ручку и повис на ней. Ручка с тихим скрежетом подалась вниз.

— Заржавела, проклятая, — обрадованно про-

шептал Тиша и, став на ноги, опять уперся плечом в дверь.

Дверь не открывалась.

Тогда он, собрав все силы, потянул ее на себя, и она как бы нехотя с тихим визгом открылась, и на него посыпались щепки, пыль, мелкие камни. Галлерея наполнилась гулким шумом. Мальчик испуганно отпрянул прочь от дверей.

Он притаился, ожидая, не послышатся ли шаги из подвала, не вызвал ли он тревоги у фашистов.

Сердце билось так часто и так громко, что он боялся, как бы и удары сердца не услышали враги.

Но в галлерее и в подвале было тихо. Тиша стал разрывать мусор, которым была завалена дверь изнутри.

Так трудился он с полчаса, пока не очутился внутри подвала. Сквозь круглые отверстия отдушин пробивались полосы серого света. Но и этот свет после полной темноты подземелья показался Тише настолько ярким, что он невольно зажмурился. Открыв глаза, Тиша тщательно осмотрелся. Засек, в котором он находился, был пуст. Кроме мусора, здесь ничего не было.

Мальчик подошел к двери соседнего засека и осторожно открыл ее. В подвале сильно пахло керосином. Черные железные бочки с бензином заполняли весь подвал, пятна бензина видны были и на земле.

Тиша вошел в третий, последний засек. Здесь

стояли ящики, заколоченные наглухо, лежали огромные катушки, на которых был намотан тонкий телефонный провод, и лежали мотки какого-то шнура. Шнур! А что, если этим шнуром поджечь бензин? Тогда Тиша и сам, не дожидаясь партизан, может расправиться с ненавистными врагами! Своими руками, сейчас уничтожить их! Дрожа от волнения, он схватил моток шнура.

Вдруг Тиша услышал шум шагов. Они раздавались сверху. Их было много, они были громкие. Тиша замер на секунду на месте. Страх охватил его, — страх не за свою жизнь; нет, он боялся, что не успеет выполнить свой план, что ему не удастся отомстить за семью.

Нет, он не может погибнуть, не должен погибнуть! Легкой тенью Тиша метнулся в соседний засек, залез в самый темный угол и притаился за бочками...

Немцы вошли в подвал. Они разговаривали негромко, но до Тиши все же доносились изредка отдельные немецкие слова. Он знал их так мало, что не мог разобрать, о чем немцы говорят. Он понял только, что сейчас солдаты спят.

— Алле шляфен... — сказал кто-то хриплым голосом.

Потом немцы застучали, вскрывая ящики, начали что-то таскать.

«Готовятся, змеи, — подумал мальчик, — еще кого-то будут убивать».

Чувство злобной ненависти охватило Тишу. Ему

хотелось выйти из темного угла, избить их своими кулаками. Он уже сделал несколько шагов. Но что мог сделать он, мальчик? Он опять замер на месте.

Нет, уж мстить так мстить! Он может сделать очень много, если будет смелым. Возня немцев прекратилась. Хлопнула дверь, и в подвале водворилась полная тишина. Мальчик осторожно приоткрыл дверь. В засеке было пусто. Не было людей, не было и нескольких ящиков. Только катушки телефонного полевого провода да мотки шнура лежали на месте.

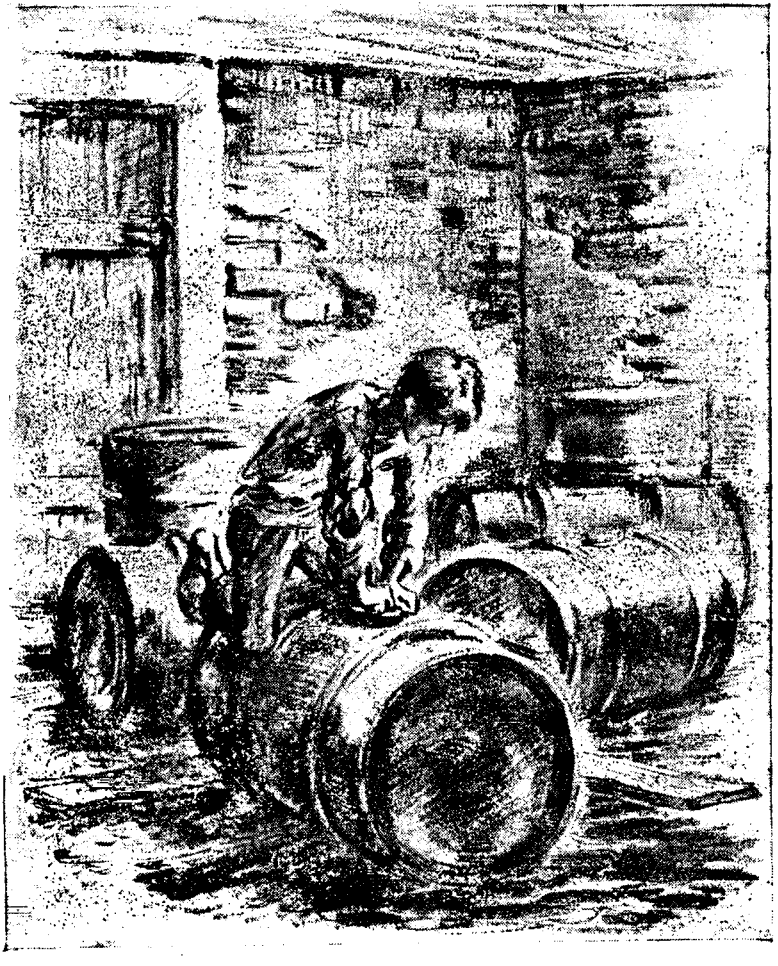
Теперь надо действовать, ждать больше нечего. Прежде всего открыть бочку с бензином. Это было трудно, но Тиша все же открыл. Бензин потек на землю. Подложив шнур к бочке, Тиша протянул другой его конец в галлерею.

Теперь только поджечь.

Тиша полез в левый карман за спичками. Спичек не было. Это страшно его испугало. Неужели даром пропал весь труд? Он вывернул карман. Ничего!

Дрожащей рукой он ощупал правый карман. Спички были там. Не медля, Тиша поднес горящую спичку к шнуру. Он вспыхнул, и небольшой язычок пламени потянулся по подвалу, а Тиша быстро побежал к выходу.

После света от горящего шнура в подземелье казалось еще темнее. Он не мог быстро бежать, так как сбивался с пути и натыкался на стены. Несколько раз он падал, сильно ушиб голову о стену. Но нужно было спешить. Вот уже забрезжил свет. Выход



близок! Теперь Тиша бежит изо всех оставшихся сил. Впереди еще несколько метров. Не успеет преодолеть их Тиша до взрыва и навсегда останется под землей. Но вот он уже в овраге, а взрыва все нет.

Беспокойство охватило его. Неужели пламя погасло и не дошло до бочек? Он забрался в кусты и сел на землю. Слух его был напряжен, сердце громко стучало.

Взрыв раздался неожиданно. Сначала он был негромкий и звук его был раздроблен, но в следующее мгновенье земля задрожала, воздух потряс сильный грохот. К небу взметнулись камни, комья земли. Черный дым поднялся высоким столбом.

* * *

Тишей овладела страшная усталость. Ему хотелось лечь и забыть все, что случилось с ним за сутки. Но у реки его ждали Вера и Коля, надо спешить к ним. Он с трудом поднялся и медленно побрел по дну оврага.

Вера сидела на земляном выступе у густого зеленого ивняка, окружающего пологий берег реки. Тиша подошел к ней молча, хотел взять у нее братишку. Но Вера не дала. Мальчик спал у нее на руках.

— В школе взрыв... Это ты сделал? — спросила Вера.

Тиша не ответил. Со слезами на глазах смотрел он на родное село. Там еще стлался густой дым, к

небу вздымались обнаженные трубы сгоревших домов. Ветер доносил до детей тяжелый запах гари. Вид сожженного села вызвал у мальчика новый приступ острой боли в сердце. Он снова вспомнил о страшной смерти матери, сестер и брата, вспомнил, что они все еще лежат у сожженного дома.

— Нужно похоронить их, — решил он и зашагал было к селу.

Вера удержала его за руку.

— Подожди, Тиша! Сейчас там еще немцы, и ты один ничего не сделаешь. Пойдем в лес к нашим. А ночью ты вернешься в село с партизанами. Вы уничтожите и остальных гадов.

Тиша постоял в раздумье, потом сжал кулаки.

— Мы вернемся в село! Мы еще вернемся в село, фашистская гадина! — крикнул он, задыхаясь от ненависти к врагам, от жажды мщения.